

свои тайныя мысли. Они, видя насъ, прѣхавшихъ защищать ихъ упованіе, очень юными, страшно опасались за исходъ бесѣды, но теперь они возрадовались сугубо, ибо до сихъ поръ еще никогда не слыхивали такихъ сильныхъ, по ихъ словамъ, доказательствъ, какія они выслушали отъ насъ сегодня.

Мы благодарили Бога и радовались за нихъ».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. Зенинъ.

„Владѣльцы храмовъ Божьихъ“.

Въ концѣ всеношнаго бдѣнія подь день Крещенія Господня въ одномъ изъ московскихъ храмовъ мнѣ пришлось наблюдать такую сцену. У двери храма, черезъ которую входятъ изъ раздѣвальни и входятъ изъ храма въ нее, стоялъ тщедушный, съ большой лысиной человѣчекъ. На видъ ему можно дать не больше тридцати лѣтъ, небольшой лобъ морщился, маленькіе глаза безпокойно двигались по орбитамъ, онъ жестикулировалъ руками и всякому, кто осмѣливался подойти къ двери, хрипло кричалъ: „Осади насъ, что за непорядки, кончится служба, тогда выйдете“.

Нѣкоторые старались ему объяснить, что имъ очень необходимо выйти по тѣмъ-то и тѣмъ-то причинамъ, но ничто не помогало, маленький человѣкъ грубо обрывалъ, позволялъ даже себѣ толкать въ грудь желающихъ выйти, громко крича: „Я же вамъ говорю, что нельзя выходить до окончанія службы. Пошли назадъ въ храмъ!..“ Молящіеся покорно исполняли приказаніе и вновь возвращались назадъ.

Я поинтересовался спросить стоящаго рядомъ со мною господина и наблюдавшаго всѣ выходки охранителя входовъ, кто онъ такой и что представляетъ изъ себя.

— Развѣ вы не знаете? Это Н—въ, строитель сего храма, сынъ попечителя и самъ попечитель...

Кончилась служба.

Народъ, давя и толкая другъ-друга, гурьбой сталъ выходить въ раздѣвальню.

Мы съ господиномъ послѣдовали за толпой, одѣлись и вышли на церковный дворъ.

Двери воротъ были заперты, и не отпирались до тѣхъ поръ, пока не одѣнутся всѣ молящіеся.

Пришлось прождать минутъ двадцать. Я возобновилъ разговоръ.

— Скажите, спросилъ я, что эти Н—вы богаты, вѣдь чтобы построить такой храмъ, необходимо обладать огромными средствами?

— Какой богаты, сказалъ мой собесѣдникъ, торгуютъ памятниками, имѣютъ ихъ десятка три-четыре. Умретъ если какой изъ нашихъ старо-

обрядцевъ, наши священники посовѣтуютъ купить у нихъ. Ну—семья покойнаго и купить.

Этимъ вотъ и кормятся.

Храмъ выстроили на чужія средства. Но это все не бѣда, что выстроили не на свои средства, это можно поставить имъ въ заслугу. Но вотъ бѣда. Вотъ въ чемъ корень зла.

Выстроить-то они храмъ выстроили, но передать-то его въ общину—не передали, а сей святой храмъ и все мѣсто при храмѣ приписали на свое имя. Такъ что по купчей крѣпости хозяевами храма значатся г-да Н—вы.

Господь Богъ сказалъ: „Домъ Мой, домъ молитвы наречется“. А Н—вы могутъ сказать: „Храмъ нашъ—такъ по купчей речется“.

И гдѣ только совѣсть у этихъ лицъ, гдѣ у нихъ вѣра, присваиваютъ себѣ то, что принадлежитъ Богу.

Самовольно распоряжаются въ храмѣ, во все суются, все имъ надо, во все вмѣшиваются, а кто ихъ избралъ, кто поручилъ имъ это? Никто. Сами себя избрали и командуютъ надъ попами, причтомъ и воображаютъ, что они творятъ христіанскую миссію.

О, жалкіе лицемѣры! О, порожденія ехидны, что скажетъ имъ Творецъ небесный. И что смотреть на такое вопіющее дѣло наше старообрядческое общество, наше высшее духовенство?..

Я все время не перебивалъ моего собесѣдника, который съ жаромъ говорилъ все это.

Ворота отперли.

Мы распрощались, разошлись. Ночь была ясная, морозная.

Дорогой я вспомнилъ еще о подобномъ господинѣ, купцѣ-кулакѣ, самодурѣ, живущемъ въ Москвѣ и тоже владѣющемъ на правахъ собственности молельной.

Священника онъ прямо-таки терроризировалъ. Также всѣхъ обрываетъ, говоритъ ни съ того, ни съ чего грубости. Топаеть ногами на священнослужителя. Онъ дошелъ до такой наглости, что написалъ письмо въ одну черносотенную газету, подъ которымъ подписался: „Владѣлецъ храма Божія“.

Въ какомъ подчиненіи находится у него священникъ, можно видѣть изъ такого факта.

Сей купчина велъ какія-то дѣла съ какимъ-то нѣмцемъ-инженеромъ. Нѣмцу пришлось почему-то переводиться изъ первопрестольной.

Купчина, кромѣ всѣхъ возліяній при проводахъ, заявилъ нѣмцу, что ему онъ поднесетъ въ память „совмѣстной работы“ икону.

Но чтобы это было торжественнѣй, купчина приказалъ прибыть въ „Лоскутную гостиницу“, гдѣ стоялъ нѣмецъ, и священнику, служившему при „его молельной“.

Тотъ не осмѣлился послушаться „своего хозяина“ и пріѣхалъ съ причтомъ въ гостиницу.

Здѣсь, въ номерѣ, услужливый батюшка съ пѣніемъ поднесъ вмѣстѣ съ хозяиномъ нѣмцу икону.

— Ничего не подѣлаешь. Велитъ А. А., а то не слушаешь, плохо будетъ,—оправдывался о. М.

Мы, собственно, не противъ подношеній св. иконъ, а противъ того, что священникъ, зная заранѣе, что нѣмецъ никакихъ иконъ не признаетъ, совершаетъ это святотатственное подношеніе, съ точки зрѣнія батюшки, только потому, что такъ приказываетъ хозяинъ.

Вспомнилось мнѣ и то обстоятельство, что одинъ діаконъ здѣсь же въ Москвѣ, служащій у тѣхъ же Н—хъ, стащилъ у одного прихожанина золотую медаль. У него былъ обыскъ. По правиламъ его подлежало бы извергнуть изъ сана, а онъ служитъ и до сихъ поръ.

Вмѣсто того, чтобы кричать и шумѣть въ храмѣ на тѣхъ, кто по своимъ нуждамъ выходитъ изъ храма, не лучше ли гг. Н—мъ обратить вниманіе на своего діакона.

И всѣ эти явленія происходятъ потому, что, вмѣсто завѣдыванія домами Божьими цѣлымъ обществомъ, завѣдываютъ отдѣльные лица.

Это зло необходимо искоренить, и начало искорененія должно исходить отъ нашего духовенства.

Чужь-Чуженинъ.

ИЗГОНЯЮТЪ.

„Архіепископъ Николай Варшавскій приказалъ устранить въ Успенской церкви старинный запрестольный художественной работы образъ, сохранившійся со временъ уніи, признавъ его не православнымъ...“ (Изъ газетъ.) Странная привычка „православныхъ“ пастырей: все, что напоминаетъ имъ о древности, они гонятъ съ глазъ долой; а особенно къ древнимъ памятникамъ иконографіи относятся съ крайней нетерпимостью...

Изъ множества я приведу одинъ примѣръ.

У насъ въ Сибири въ селѣ Улалѣ Бійскаго уѣзда живетъ торговецъ Николай Григорьевичъ Пивоваровъ, уроженецъ слободы Мстеры Влад. губ., на родинѣ бывшій единовѣрцемъ. Здѣсь онъ вынужденъ былъ обращаться въ „православную“ церковь. У него съ родины масса древнихъ иконъ. И онъ поимѣлъ намѣреніе въ улалинскую „православную“ церковь пожертвовать одинъ древній образъ „Спасъ мокрая брада“, размѣромъ 16 × 10 вершковъ, но „православный“ батюшка запротестовалъ противъ этого, говоря: „Намъ нежелательно въ православномъ храмѣ имѣть „раскольничьи“ образа!..“ И даже воспретилъ Н. Г. имѣть при домѣ этотъ образъ.